

Достойная легкость против тягот бытия

Мария Ивановна Лифарь живет в небольшом городке Эпине-сюр-Орж под Парижем. От ее дома совсем недалеко до знакового для русской эмиграции места – Сент-Женевьев-де-Буа. Русский старческий дом и кладбище, на котором похоронены известные российские изгнанники — известны во всем мире. Для Марии Ивановны это место особенно дорого. Она была свидетельницей становления Русского дома, а на кладбище покоятся ее родители, родственники, близкие друзья, муж – Леонид Михайлович Лифарь.

Мария Ивановна родилась в 1924 г. во Франции, в семье русских эмигрантов первой волны. Ее мать Мария Давыдовна – внучка героя Отечественной войны 1812 года Ивана Алексеевича Орлова и дочь свитского генерала двух императоров: Александра II и Александра III. Отец — Иван Иванович и другой дед Иван Данилович Поповы – офицеры царской армии, участники Первой мировой войны и Белого движения.

Примечательна родословная мужа Марии Ивановны – Леонида Михайловича Лифаря. При упоминании этой фамилии сразу всплывает в памяти имя известного солиста балета и хореографа Сержа Лифаря. А его родной брат — Леонид Лифарь — личность не менее замечательная и почитаемая в среде русской эмиграции – его трудами типографа изданы в Париже произведения А.Ремизова, Д.Мережковского, других писателей, книги С.Лифаря. Леонид Михайлович сотрудничал с русским парижским издательством YMCA-Press. Это он в конце 1973 года, сохраняя в тайне поручение директора YMCA Н.Струве, в кратчайший срок напечатал в парижской типографии первый том эпопеи А.Солженицына «Архипелаг ГУЛаг», весть о котором тут же разнеслась по всему миру. Среди немногих посвященных в издание «Архипелага» была и Мария Ивановна Лифарь. В семейной библиотеке Лифарей много редких книг. Ряд раритетов после смерти мужа Мария Ивановна передала в Дом русского зарубежья им.А.Солженицына. В архиве Дома — и подаренная ею посмертная маска Ф.Шаляпина, акварельный рисунок великого певца, книги, изданные Сержем Лифарем к столетию со дня смерти А.С.Пушкина.

Мария Ивановна Лифарь с дочерью Еленой несколько раз была гостьей Дома русского зарубежья. На конференции в год 200-летия Бородинской битвы она делилась воспоминаниями о своем прадеде – герое Отечественной войны 1812 года – Иване Алексеевиче Орлове. Много интересных сведений о его жизни и истоках рода Орловых сохранила в своих мемуарах мама Марии Ивановны – Мария Давыдовна Орлова.

Как повествует семейное предание, князь Патрикей Орлов был стрелецким воеводой и имел трех сыновей. Все они участвовали в стрелецком бунте. Двух казнили, а третий, Михаил, гордо подошел к лобному месту, оттолкнул царских приспешников и сам положил голову на плаху. Пораженный таким мужеством, Петр I его помиловал, но

Михаил решил отдалиться от государя и ушел на Дон. Там он женился не то на татарке, не то на калмычке.

— Сын от этого брака Петр тоже имел трех сыновей: Василия, Михаила и Алексея, — рассказывала Мария Ивановна. Прапрадедом Марии Ивановны Лифарь был Алексей Петрович Орлов. Он служил в Петербурге, воевал под командованием Суворова, получил за взятие Измаила на Дону в Миусском (Таганрогском) округе 10 тысяч десятин земли. Был женат на Елизаветградской помещице Наталье Красностаковой.

— Как я узнала из записок матери, — продолжала рассказ Мария Ивановна, — Потемкин подарил ему свою походную церковь работы Лампи. Были в семье также портреты Екатерины Второй, Павла Первого и Марии Федоровны того же Лампи. Мама еще видела портрет Павла I и его супруги. Алексей Петрович был приверженцем Павла I, но когда тот, будучи уже царем, хотел пожаловать ему графский титул, Орлов отказался, сказав: «На Москве мы были князья, на Дону — просто Орловы, разрешите, Ваше Величество, ими и остаться». Когда убили Павла, Алексей Петрович командовал лейб-гвардии Казачьим полком, но сейчас же подал в отставку, не желая служить Александру I. Новый император при прощании подарил Алексею Петровичу перстень с монограммой А I, но Орлов уничтожил единицу и вокруг буквы А нарисовал круг, получилось — Алексей Орлов. Он уехал в свое имение Матусово под Киевом, прожил там до 84 лет и был похоронен около местной церкви.

Таким же бескомпромиссным характером отличался и сын Алексея Петровича — Иван, прадед Марии Ивановны. Он удрал на войну с Наполеоном в 1809 году 16-летним мальчишкой. Прошел всю кампанию, так же, как и родственник, Василий Васильевич Орлов-Денисов, был участником Отечественной войны 1812 года, Бородинского сражения. Иван Орлов в составе лейб-гвардии Казачьего полка дошел до Лейпцига, а когда русские войска уже стояли под Парижем, его послали парламентаром: он хорошо владел французским языком. Особо отмечен в мемуарах Марии Давыдовны Орловой такой эпизод. Во время отступления Наполеоновской армии под Малоярославцем казаки напали на личный обоз Наполеона, могли бы и самого императора захватить. Но не сдержались, набросились на золото, которое награбил неприятель, и — пропустили карету Наполеона. Но Ивану Орлову в качестве трофея удалось взять из обоза императора саблю. Она долгое время хранилась в семье Орловых, а потом была подарена в музей Инвалидов в Париже.

Первая наша встреча с Марией Ивановной Лифарь состоялась накануне 200-летия со дня рождения А.С.Пушкина, которое широко отмечалось в 1999 году и в России и за рубежом. Я собиралась снимать документальный фильм о потомках поэта и его внучке — Елене Александровне Розенмайер, которая, эмигрировав из России, якобы вывезла неизвестный дневник Пушкина. За этой реликвией охотились многие исследователи, в том числе и Серж Лифарь. Как же было не узнать жену его брата — Марию Ивановну Лифарь. А Леонид Михайлович был не только типографом, но и в течение долгих лет секретарем брата, даже помогал ему в 1937 году в подготовке Пушкинской юбилейной выставки в парижском зале Плейель. Серж умер в 1986 г., Леонид четырьмя годами раньше, но вдова, наверняка, могла рассказать много интересного о деятельности братьев Лифарей.

В 1998 году я ездила во Францию вместе с потомками Пушкина в поисках следов Е.А.Розенмайер и места ее захоронения в Ницце. К сожалению, в Париже удалось задержаться только на пару дней. Телефон в доме Марии Ивановны Лифарь молчал, зато удалось созвониться с ее сестрой — Ириной Ивановной Туроверовой — женой Александра Туроверова, брата другого видного деятеля русского зарубежья — поэта Николая

Туровой. Она встретила меня на машине около станции метро и повезла к себе домой в Сен-Клу.

Эта красивая гостеприимная дама поразила меня изящной простотой – вот истинный аристократизм, о котором мы имеем сегодня представление только по книгам и благодаря редким встречам с потомками первой волны русской эмиграции. С Ириной Ивановной поначалу мы больше говорили о Тургеневе, об усадьбе писателя в Буживале, которая была неподалеку от ее дома. Ирина Ивановна вместе с хранителями дома-музея «Ясени» принимала деятельное участие в продлении жизни этого имения как историко-культурного памятника. Удалось поговорить и о Пушкине. Ирина Ивановна показала мне журналы и газеты 1937 г. с публикациями о выставке «Пушкин и его эпоха» и заверила, что у ее сестры, Марии Ивановны, конечно же, еще больше реликвий того времени и рассказать ей есть о чем.

По приезде в Москву я сразу же написала Марии Ивановне о работе над сценарием фильма, о том, как проходят в России юбилейные пушкинские торжества. Завязалась переписка, а встретились мы в конце 1999 г., когда вместе с Московским хором мне удалось приехать в Париж, в Сорбонну на конференцию и концерт, посвященные 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина, куда приехала Мария Ивановна Лифарь. Она оказалась такой же изящной и красивой, как сестра, но, пожалуй, более хрупкой и трогательной. А вот ее дочь Елена вместе с материнскими унаследовала и черты семейства Лифарей – черные как вороново крыло волосы и характерный рисунок профиля.

Мария Ивановна уже многое знала о моих поисках, но я удивилась, что во время первой же нашей встречи она подарила мне редкие издания – каталог выставки в зале Плейель «Пушкин и его эпоха» 1937 г. и «Письма Пушкина к невесте». Тогда я, корреспондент радиостанции «Юность», только начинала сотрудничать с Домом русского зарубежья на Таганке – и мне только предстояло узнать, какие доброжелательные и щедрые люди наши зарубежные соотечественники, как ценят они общение со своими соплеменниками, с какой радостью готовы общаться. И все-таки среди этих замечательных людей Мария Ивановна Лифарь занимает особое место, как убеждаюсь я год от года.

Тогда, в 1999-ом, после концерта в Сорбонне Мария Ивановна пригласила нас на следующий день к себе, в Эпине-сюр-Орж. Мы отправились к ней на пригородном поезде с телеоператором Татьяной Александровой, Президентом Бунинского фонда Владимиром Антоновичем Пречисским и его внучкой Аней.

Мария Ивановна уже ждала нас на станции и очень обрадовалась такой пестрой компании. Усадила всех в старенький «Мини-Ровер» и очень быстро доставила к воротам своего дома. За калиткой нас встретил шустрый Мопс. Мы последовали за любимцем Марии Ивановны к дому, который весь утопал в кустах роз – они еще цвели и благоухали, несмотря на утренние заморозки. В светлой гостиной с камином и белыми книжными шкафами нам сразу бросился в глаза портрет Пушкина работы Евгения Фаберже на стене у окна. Видео-камера, которую тут же стала устанавливать Татьяна, поначалу смутила Марию Ивановну, она даже пыталась отговорить нас от съемки. Но потом, увлекшись беседой, как будто забыла об объективе.

Я сразу засыпала Марию Ивановну вопросами о подготовке Пушкинской выставки 1937 года, о помощи ее мужа Леонида брату, Сержу Лифарю, о пушкинских реликвиях, которые тот приобрел к выставке, в том числе и у Пушкиной-Розенмайер.

— Да, да, — вспоминала Мария Ивановна, — Леонид Михайлович рассказывал мне, как встречался с известными представителями оргкомитета Пушкинских торжеств, как помогал брату готовить выставку вместе с пушкинистом Модестом Гофманом и его сыном Ростиславом, но о Дневнике Пушкина и его поисках Сержем Лифарем никогда не упоминал. Да и от Сергея Михайловича я об этом не слыхала, хотя мы с мужем были в курсе многих его дел. Но это было гораздо позже, уже после войны, а в 1937 году мне было всего 13 лет, и я еще не была знакома с Лифарями. Даже не помню, чтобы родители водили меня на Пушкинскую выставку в зал Плейель – мы жили тогда километрах в 50-ти от Парижа. О поисках Дневника Пушкина я узнала уже из книги Сергея Михайловича, изданной в 1966 году в Париже. Но в это время Серж уже охладел к пушкинской теме, и почти не вспоминал о том времени.

Это все, что удалось мне узнать во время первой встречи с Марией Ивановной Лифарь о Пушкинской теме. Но говорили мы в тот день и о многом другом – о семье ее родителей Орловых-Поповых, об эмиграции, о тех русских изгнанниках, кто вынужден был свои последние дни провести в Старческом русском Доме и упокоиться на знаменитом кладбище. И все эти темы, а главное – люди, которые хранили память о русской эмиграции и подлинной русской культуре, стали вскоре для меня главными.

А судьба самой Марии Ивановны Лифарь, ее родословная были просто кладезем увлекательных историй, причем не только военных. Чего стоили литературные и просто семейные «сближения», которые неожиданным образом опять-таки приближали меня к истории Елены Александровны Пушкиной-Розенмайер. Но обо всем по порядку.

Женой генерала Ивана Алексеевича Орлова была Еликонида Петровна Мусина-Пушкина. Вот такое экзотическое имя носила прабабушка Марии Ивановны. К роду великого поэта Мусины-Пушкины если и имеют отношение, то весьма отдаленное, и речь сейчас не об этом возможном «сближении». Примечательно другое — семейство Орловых (Еликонида Петровна и ее сестры) оказались свидетельницами жизни Лермонтова в Пятигорске в 1841 году и его гибели. Воспоминания об этом сохранились не только в семье Орловых, но и, например, в записках А.И.Арнольди, который в то время тоже был в Пятигорске. Он пишет, что неподалеку от его квартиры по улице, которая шла перпендикулярно бульвару, поместилось семейство Орловой, жены казачьего генерала, с ее сестрами Поликсеной и Идой (Эртоидой). А.И.Арнольди утверждает, что был свидетелем того, как Лермонтов ухаживал за Идой Мусиной-Пушкиной на балу, который сам устроил в Гроте Дианы. Ей же выпала и печальная миссия быть участницей похорон поэта после его гибели на роковой дуэли. Мария Ивановна хранит вырезку из статьи об этом в «Литературной России», которую мы вместе и прочитали.

А о судьбе прабабушки Еликониды Петровны Мария Ивановна рассказала мне сама. Подарив мужу пятерых дочерей и сына Давида (он-то и стал впоследствии дедом Марии Ивановны), Еликонида Петровна была уличена генералом Орловым в измене, отлучена от детей и отправлена в Ниццу. Здесь она дожила до 1896 года, пережив мужа на 20 лет, и была похоронена на городском кладбище Кокад. Землю для ее могилы приобрел ее воспитанник, некий Галкин, сроком на сто лет — практически бессрочно. Но в 80-ые годы XX века прах Еликониды Петровны Мусиной-Пушкиной был перенесен в общую могилу. А, как удалось мне выяснить еще в 1998 году, в том же «Fors Commune» на 32-ом участке покоились и останки Елены Александровны Пушкиной-Розенмайер. Внучка Пушкина умерла в Ницце в 1943, срок платы за ее место на кладбище был совсем коротким. И вот наследницы двух славных российских родов оказались в одной общей могиле. Печальное сближение судеб. И не только этих. Так же, как наследница великого русского поэта, родители Марии Ивановны эмигрировали после поражения Белой армии из Крыма

сначала в Константинополь, потом во Францию и разделили судьбы многих русских эмигрантов, разлученных с Россией после октябрьского переворота и гражданской войны.

И вот я снова в Эпине-сюр-Орж, уже для того, чтобы подробнее познакомиться с историей эмиграции родителей Марии Ивановны Лифарь и ее семейным архивом. Май 2013 г. выдался в Париже прохладным. Мария Ивановна еще не оправилась от зимних простуд, но уже занималась благоустройством сада. Ее маленький дом по-прежнему окружали цветы. Прямо под окном – пышный куст с розовыми шапками пионов, на альпийской горке – сиреневое облако ирисов, вдоль дорожек пробиваются колокольчики ландышей. Осталось место и для грядок, но Мария Ивановна не любит огородничать – у забора только несколько горшков с укропом и базиликом – для салата. А все свободное пространство перед крыльцом превращено в зеленую лужайку. Здесь можно поиграть с Боем – это преемник Мопса. Здесь же на лужайке можно удобно устроиться под тенистыми деревьями (солнце все-таки припекает) и заняться изучением семейных альбомов с фотографиями прошлого и даже позапрошлого веков.

Мария Ивановна все такая же трогательно-элегантная, и хотя еще не совсем окрепла после простуды, готова рассказывать и показывать все, чем богат семейный архив. В альбоме есть даже фотографии прадеда — генерала Орлова. Одна, цветная, с парадного портрета — в мундире и орденах. Другая — запечатлевшая Ивана Алексеевича уже в последние годы жизни, в середине 70-х г.г. XIX века.

А вот фотография мамы – Марии Давыдовны с дедушкой — Давыдом Ивановичем. Он родился в 1840 году, когда генерал Иван Алексеевич Орлов служил в Тифлисе, и был назван в честь святого Давида (впрочем, в семье это имя было преобразовано на русский манер Давыд). Заслуги Давыда Ивановича – достойное продолжение славных дел Ивана Алексеевича Орлова. Он был генерал-лейтенантом Свиты его императорского Величества Александра II, областным предводителем дворянства, с 1864 года – главкомом Петербургского военного округа. Давыд Иванович Орлов присутствовал на свадьбе Александра II с Екатериной Долгоруковой. Был он и на похоронах государя. Мария Ивановна говорит об этом без всякого пафоса, просто, как о фактах послужного списка деда. А вот военные заслуги подчеркивает особо. Во второй половине 70-х Давыд Иванович Орлов командует Донскими казачьими полками и войсками Харьковской губернии. Среди его многочисленных наград – золотая шашка «За храбрость», два ордена Св.Владимира, Св.Анны, Белого Орла и другие отличия. В 80-ые Давыд Иванович состоит в Свите е.и.в. Александра III. А кроме того занимается хозяйственными делами в подаренных ему имениях Орлово-Алексеевке и Орлово-Ивановке в Донской области. Там были сельскохозяйственные угодья и конный завод. Когда началась Первая мировая война, Давыд Иванович поставлял на фронт лошадей и продовольствие. Он просился в действующую армию, но по возрасту не был призван, хотя в свои 74 года совсем не выглядел старым и немощным, о чем свидетельствуют его фотографии того времени, сохранившиеся в семейных альбомах. И все-таки события Первой мировой не могли не отразиться в судьбе семьи Орловых. Давыд Иванович умер в 1916 году и был похоронен в Киеве на Аскольдовой могиле. А участницей Первой мировой и гражданской войн суждено было стать его дочери Марии Давыдовне Орловой.

— Моя мама, — рассказывает Мария Ивановна, — выпускница Киевского института благородных девиц, первый раз вышла замуж в 17 лет. Ее муж — офицер царской армии Николай Федорович Маньковский – в 1914 году воевал на фронте, а она в это время окончила в Петербурге курсы сестер милосердия Кауфманской общины и работала в Киевском госпитале. Демобилизацию мужа после ранения удалось пережить в родной Орловке. Но после октябрьского переворота и наступления красных молодой семье с

маленьким сыном пришлось бежать в станицу Уманскую. Здесь, несмотря на опеку родственников — Яновых, все, кроме маленького сына и его няни, заболели тифом.

Первый муж мамы умер, а ей удалось вместе с сыном и няней уехать с отступающими частями Белой армии на пароходе из Новороссийска. Остановка на острове Лемнос обернулась новой трагедией – здесь заболел корью и умер сын мамы, так и не став моим старшим братом. Мама вернулась в Крым и поступила в лазарет лейб-гвардии Казачьего полка. Но не прошло и года – и осенью 1920 – новая эвакуация, теперь уже в Константинополь. Четыре года пришлось жить в лагере для русских беженцев на Азиатской стороне. И вот тут-то мама встречает моего будущего отца – полковника лейб-гвардии Атаманского полка Ивана Ивановича Попова. Как она мне потом рассказывала, этого офицера она заметила еще во время первой эвакуации на Лемнос – он поднимался по трапу на костылях, но все-таки сохранял боевую выправку. Мария Давыдовна Орлова и Иван Иванович Попов венчались в Константинополе, здесь же в 1922 году родилась старшая дочь Ирина. А потом их путь, как и многих русских беженцев, лежал во Францию. Они обосновались в пригороде Парижа – Медоне, здесь в 1924 году я и появилась на свет.

Слушая Марию Ивановну, я не могла не сопоставлять историю эмиграции ее родителей и внучки Пушкина Елены Александровны. Та вместе с матерью тоже уехала из Крыма в Константинополь, уже в изгнании вышла замуж за бывшего ротмистра 9-го гусарского полка Николая Алексеевича Розенмайера. В Константинополе у Пушкиных-Розенмайеров в начале 1923 родилась дочь Светлана. Потом – скитание по свету, а в 30-ые – переезд во Францию, в Париж и Ниццу. Ранение мужа внучки Пушкина имело серьезные последствия и привело к психическому заболеванию и ранней смерти. Их дочь Светлана во время Второй мировой войны пропала без вести, а Елена Александровна завершила свой земной путь в Ницце в 1943г. Вот такие трагические параллели. До реликвий, до рукописей ли далеких предков было этим и другим русским изгнанникам в тифозных бараках, на уходящих в неизвестность от берегов России судах, в лагерях беженцев, во время переездов по азиатским и европейским городам, а потом и под бомбежками Второй мировой войны? Удивительно, но ответ – да! Для них было необходимо и до сих пор важно сохранить все, что связывает их с Отечественной историей. Да ведь они и сами – история. Все это начинаешь понимать, когда видишь, как бережно разложены Марией Ивановной Лифарь по альбомам и папкам фотографии и документы. Сознывая, как и для чего хранятся эти раритеты, понимаешь- это не просто архивы, это — достоверные свидетели живой жизни. Не отфильтрованные историками, не адаптированные в академических изданиях, не искаженные идеологическими доктринами – реальные факты важных государственных событий, в которые включались и которые «делали» представители того или иного семейства: достоверные свидетельства каждодневных забот, взросления детей, дружеских встреч, боевых побед.

Вот фотография сводного брата Марии Давыдовны – Ивана Давыдовича Орлова, любимого дяди Марии Ивановны. Хотя ни разу в жизни ей не довелось его увидеть, рассказы о нем она хранит в памяти много лет. Офицер царской армии, участник Русско-Японской и Первой мировой войн, Иван Давыдович Орлов во время гражданской не изменил присяге, сражался в рядах Белой армии. При атамане Каледине был начальником войск Макеевского района. После распада своего подразделения прибыл в Новочеркасск, где собирался найти однополчан и сформировать новую боевую группу. Но это ему не удалось. Подробности гибели Ивана Давыдовича удалось узнать уже в эмиграции от родственников Яновых. Они уговаривали Ивана Давыдовича не появляться в городе в офицерской форме, укрыться и подумать об эвакуации. И даже получив известие, что за ним следят, Иван Давыдович не стал менять офицерский мундир, во всеоружии решил

встретиться с красноармейцами лицом к лицу, был схвачен и расстрелян. Обстоятельства его гибели в 1918 году подтверждают и историки в «Донской летописи» (№2, стр.193).

Рядом в альбоме — фотография жены Ивана Давыдовича Орлова— Елены Кирилловны Струве. Это крестная мать Марии Ивановны и первая основательница Русского Дома в Сен-Женевьев-де-Буа.

— О том, как начиналась история Русского дома, знают немногие, — говорит Мария Ивановна. — Иван Давыдович погиб, и Елену Кирилловну ничто не связывало с советской Россией. Вместе с сестрами она эмигрировала во Францию. Благодаря наследству первой жены дедушки, Шуваловой (она была матерью Ивана Давыдовича) — удалось основать в Париже пансион, в котором пожелали обучаться хорошим манерам девушки, приезжавшие во Францию из Америки и Англии. Одной из них была некая мисс Педжет, довольно богатая особа. После окончания пансиона она решила пожертвовать значительную сумму семье Елены Кирилловны с условием, что та будет опекать ее и дальше. Елена Кирилловна согласилась, но попросила устроить на этот взнос приют для престарелых русских эмигрантов, которым негде и не на что было жить. Нашли дом в Сент-Женевьев-де-Буа, еще один — в Вильмуассон, а потом и дома в других пригородах Парижа. Директором Русского дома в Сент-Женевьев стала сестра Елены Кирилловны — Вера Кирилловна Струве (Мещерская). И поначалу все шло исправно, но когда началась Вторая мировая война, деньги, поступившие от мисс Педжет, исчезли. Кто-то из управляющих оказался не чист на руку. Но, опекая мисс Педжет в Лондоне, Елене Кирилловне все-таки удавалось высылать средства на содержание Русского Дома.

Помогла Елена Кирилловна и нашей семье, распорядившись выделить нам во время войны небольшое помещение в парке около Русского Дома в Вильмуассон. Когда сюда эвакуировали из оккупированного Парижа детский приют Софьи Михайловны Зерновой, я занималась с малышами после школьных уроков.

— А знаете, — со значением глядя на меня, улыбнулась Мария Ивановна, — припоминаю, что среди этих ребят был и мальчик по фамилии Пушкин. Но тогда никого не выделяли, заботились обо всех одинаково.

Вот в таком неожиданном контексте снова возникла пушкинская тема. Из других источников я знала, что внук (а, по мнению некоторых, сын самой Елены Александровны Пушкиной-Розенмайер) во время войны был в приюте Зерновых. Но в послевоенное время о нем никто из родственников не спрашивался, и где он сейчас — тоже неизвестно. Елена Александровна умерла в 1943, следы ее дочери затерялись еще в начале войны. Известно только, что в 30-е годы мать и дочь Пушкины-Розенмайеры жили неподалеку от Ниццы в Карросе у своих родственников, которые занимались разведением кур и не бедствовали. И снова параллель с семьей Орловых-Поповых. На ферме прошло и детство Марии Ивановны. Ее родители обосновались в Этрешы. На заработанные отцом деньги (а он поначалу работал в Медоне и Париже таксистом и инженером) удалось обустроить дом, завести довольно большое и успешное хозяйство. Об этом довоенном времени Мария Ивановна вспоминает как о самом счастливом. Все что рассказывала ей мама о жизни в русских имениях, словно возродилось на гостеприимной французской земле.

— Куроводство приносило хорошую прибыль, и мама даже нанимала нам с сестрой домашних учителей, — вспоминала Мария Ивановна. — Она и сама занималась с нами русским, а потом нашла русский пансион сестер Палей, где мы изучали русскую историю, закон Божий. Но перед войной из-за каких-то интриг папа потерял права на ферму, нам пришлось уехать из Этрешы, жить в других городах, где папа находил работу, пока не

удалось перебраться в Вильмуассон. Но все это так повлияло на папино здоровье, что в 1943 году в возрасте 50 лет он умер. Из-за переездов мы с сестрой меняли несколько школ, но это как-то не сказалось на нашем образовании. Я увлекалась историей, а Ирина литературой. Она часто посещала литературные вечера, куда нас приглашал Николай Николаевич Туроверов. С ним мы познакомились еще до войны. Первый раз он пришел к нам еще в Этреша, когда по поручению руководителей Объединения Атаманцев, возглавлял которое великий князь Борис Владимирович, собирал для музея боевые награды участников этого движения. Папа отдал ему свою шашку, которой был награжден за храбрость, и некоторые ордена. А папин Степной крест № 709 до сих пор хранится у нас. Были у папы и ордена Св.Анны, Св.Владимира, а уже во Франции он получил Французскую Золотую медаль и памятную медаль Дома Романовых.

Вот и еще одно историческое сближение судеб. Николай Николаевич Туроверов 19-летним юношей вместе с 14-летним братом Александром участвовал в Степном походе, за что оба тоже имели боевые награды. Братья Туроверовы были в добровольческом отряде походного атамана генерал-майора Петра Харитоновича Попова (однофамильца деда и отца Марии Ивановны уже по отцовской линии, они ведь тоже из казаков и оба были участниками и Первой мировой и Белого движения. Интересно, что Петр Харитонович Попов тоже эмигрировал во Францию и в 1924 г. стал крестным отцом Марии Ивановны).

Дедушка Марии Ивановны Иван Данилович Попов — генерал-лейтенант царской армии, Георгиевский кавалер, в гражданскую воевал под началом Каледина, Краснова, Мамонтова, в начале Общедонского восстания освобождал станицу Константиновскую. Его роль в Степном походе отмечают историки. Особенно трудным для участников Степного похода было начало марта 1918 г. — холод, голод, кровопролитные сражения. Но позже, благодаря подоспевшим калмыкам генерала Ивана Даниловича Попова, отряд вырос и сражался до начала апреля.

У семей Орловых — Поповых и Туроверовых было немало общих воспоминаний. Николай Туроверов с женой Юлией, так же, как и мама Марии Ивановны, тоже был в эвакуации на острове Лемнос, откуда они уехали в Сербию, а потом и во Францию. А после Второй мировой войны мама Марии Ивановны и жена Николая Николаевича Туроверова заболели туберкулезом и оказались в одной больнице. Не удалось избежать и трагических сближений — в 1950 г. умерла Юлия Александровна, через несколько лет не стало и Марии Давыдовны. Но эти семьи сроднило и счастливое событие — брак Ирины Ивановны и Александра Николаевича Туроверова. Впоследствии именно Ирина Ивановна немало способствовала тому, чтобы сохранить архив старшего брата своего мужа — поэта Николая Туроверова и сделать его творчество достоянием наших современников.

А Марию Ивановну ждали тяжелые испытания. Она тоже заболела туберкулезом, и болезнь не отпускала ее целых 14 лет. После смерти матери в 1956 году, Мария Ивановна все еще значительное время проводила в больницах. Одиночество скрашивала забота соотечественников. Друг семьи с давних лет Георгий Михайлович Сусалин решил познакомить Марию Ивановну с Леонидом Лифарем, которого знал еще в Киеве.

История эмиграции Леонида — настоящий детективный сюжет. Леонид Михайлович был талантливым летчиком, но в начале тридцатых на него стали поглядывать с подозрением — слава его брата-эмигранта докатилась до Советов, охваченных паранойей шпиономании. В 1933 году Леонида послали в командировку на Иранскую границу, и он решил бежать. Оставил самолет на советской территории и пешком с риском для жизни перебрался в Иран. Там обратился в Английское консульство с просьбой устроиться на работу за рубежом. Лифарю предложили заключить контракт, для чего надо было

побывать в Лондоне. А путь туда лежал через Париж – и Леонид Михайлович решил встретиться с братом, которого не видел десять лет. Серж и слышать не хотел об отъезде брата – мне нужен собственный арт-агент, и на кого, как ни на родного человека, я могу вполне положиться – аргументы были весомыми... Став по сути секретарем Сержа, Леонид не оставил и летное дело — сдал экзамен на пилота и летал до 1939 года. Но не будучи французским подданным, не служил во Французской армии, а освоил профессию инженера, строил электростанцию. А когда в России после недолгой оттепели началось диссидентское движение, начал работать в парижской Типографии Березняка. Его сотрудничество с Никитой Алексеевичем Струве и эмигрантским издательством УМСА-Press – особая страница в истории русской эмиграции.

Сегодня, не скрывая трудностей, Мария Ивановна с радостью вспоминает о первых встречах с Леонидом Михайловичем, о венчании, о рождении дочери Елены, о поездках в Венецию. О жизни, насыщенной творческими дружескими связями, свидетельствуют и книги семейной библиотеки с дарственными надписями – Леониду Михайловичу и Марии Ивановне: от И.Бунина, А.Ремизова, Д.Мережковского, Н.Туроверова и многих других. А самый дорогой – автограф А.Солженицына на судьбоносном издании 1973 года – первом томе эпопеи «Архипелаг ГУЛлаг»: «Леониду Михайловичу Лифарю с сердечной благодарностью за его самоотверженный труд. А.Солженицын». В домашнем альбоме есть и уникальные фотосвидетельства того времени – Леонид Михайлович показывает приехавшему в Париж Солженицыну станок, на котором печатался «Архипелаг ГУЛлаг». Рядом – редактор УМСА-Press Никита Алексеевич Струве. Эхо того сохраняемого в тайне деяния трех семей – Солженицыных, Струве и Лифарей было так значительно, что до сих пор отзывается во всем мире и прежде всего в судьбах русской эмиграции. Учрежденный Солженицыными Благотворительный общественный фонд, основанная после обращения Александра Исаевича к соотечественникам Всероссийская мемуарная библиотека, созданный в Москве Дом русского зарубежья объединяют наших соотечественников в странах рассеяния по всему миру.

Время собирать свидетельства исторической памяти... Свое значимое место занимает в этом духовном пантеоне и архив Марии Ивановны Лифарь, урожденной Орловой-Поповой. Благодаря ее родителям и родственникам, ее собственным заботам о семейном архиве память о представителях славных российских династиях сохранилась в невыносимых тяготах исторического бытия и обязательно станет достоянием будущих поколений.

Приходько Тамара